

§6 СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНИТОРИНГ

Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Максимова С. Г.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ РИСКОВ И УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЛТАЙСКОМ И СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЯХ)

***Аннотация.** Целью статьи является анализ социальных репрезентаций и экспертных оценок рисков и угроз безопасности, основанный на результатах исследований в Алтайском и Ставропольском краях. Теоретико-методологическую основу исследования составили современные теории риска, согласно которым современное общество наряду с материальными и духовными благами систематически производит риски, угрожающие природе и человечеству. Представлены результаты социологического изучения социальных репрезентаций населением и экспертами рисков и угроз безопасности в двух регионах Российской Федерации. Согласно полученным данным состояние безопасности и, соответственно, социальные риски того или иного регионального социума определяется, во-первых, существующими угрозами социальной безопасности общероссийского масштаба, в целом типичными для всех субъектов Российской Федерации, во-вторых, уникальной структурой угроз социальной безопасности конкретного региона, обусловленных его уникальным геополитическим и социально-экономическим положением. В заключение сделаны выводы о необходимости разработки механизма противодействия социальным рискам, который должен опираться на объективные критерии личной и социальной безопасности, а также учитывать модели рискованного поведения с целью эффективного воздействия на него.*

***Ключевые слова:** социальный риск, безопасность, экспертные оценки, угрозы безопасности, социальные репрезентации, опасность, социальная безопасность, личная безопасность, допустимость риска, рискованное поведение.*

Сегодня в любом обществе люди постоянно находятся в состоянии риска и неопределенности. Последствия стихийных бедствий, экологических катастроф, бесконтрольного применения современной техники и технологий, экономических спадов и политических кризисов, террористических актов и ошибочных решений в управлении не обходят стороной ни одну социальную группу. По мнению известных исследователей риска (У. Бек, 2000, Э. Гидденс, 1995, Н. Луман, 1994, Ф. Найт, 1994)¹²³⁴, современное общество наряду с материальными и духовными благами систематически производит риски, угрожающие природе и человечеству, поэтому оно — рискогенно по своей природе. Невозможность постоянной и адекватной рефлексии социальных субъектов по поводу собственной деятельности усиливает социальную неопределенность, что, в свою очередь, приводит к столкновению общества с последствиями рисков, с которыми оно не может справиться.

Социальная среда обитания, как источник угроз и опасностей, не только провоцирует рискованные действия и поступки отдельных индивидов и социальных групп, но и ставит под сомнение вопрос о личной и общественной безопасности. С. Дойл⁵ отмечает, что государство находится в состоянии безопасности, если имеет возможность «осуществлять меры по развитию социальной сферы, образования и экономики без внешнего воздействия, обеспечивать своих граждан жильем, продовольствием, работой, защищать их гражданские права и личные свободы». Американский профессор

Д. Фишер⁶ считает, что социальная безопасность есть «возможность для государства свободно добиваться национального развития и прогресса, а также удовлетворения активных потребностей и прав человека». Наряду с этой объективной составляющей социальной безопасности, немаловажную роль в структуре понятия играет ее субъективная составляющая, понимаемая как внутреннее состояние, ощущение стабильной защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от возникающих вызовов и угроз во всех сферах жизнедеятельности, взаимообусловленного и взаимозависимого от действий субъектов безопасности, предпринимаемых ими в процессе ее обеспечения⁷.

Анализ экспертных оценок⁸ показывает, что социально-экономические и политические процессы, происходящие в стране, конечно, накладывают свой отпечаток на параметры выделенных экспертами доминирующих социальных рисков (например, последствия мирового финансово-экономического кризиса, затянувшиеся с 1990х годов прошлого века процессы общественной трансформации, неравномерная модернизация производствен-

¹ Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000.

² Гидденс, Э. Элементы теории структуризации / Э. Гидденс // Современная социальная теория: Бурдьё П., Гидденс Э., Хабермас Ю. — Новосибирск, 1995.

³ Луман, Н. Риск, неопределенность, случайность / Н. Луман // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 135–160.

⁴ Найт, Ф. Понятие риска и неопределенности / Ф. Найт // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 12–28.

⁵ Дойл, С. Гражданские космические системы. Их влияние на международную безопасность / С. Дойл. РАН ИНИОН. М., 1994. С. 5.

⁶ Фишер, Д. Невоенные аспекты безопасности: системный подход / Д. Фишер. М., 1994.

⁷ Фишер, Д. Невоенные аспекты безопасности: системный подход / Д. Фишер. М., 1994.

⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12–13–22007а (р) «Незаконная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края» и Министерства образования и науки РФ, проект «Социальная безопасность региональных социумов: концептуальный анализ» (2012–2014 гг.). Использованы данные экспертного опроса (n=40) в двух регионах Российской Федерации. Данные представлены в следующем виде: ХХ.УУ.000, стр.0, где ХХ — буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ — законодательная власть (n=6), ИВ — исполнительная власть (n=6), ОО — общественная организация (n=6), НП — научно-педагогическая общественность (n=6), МС — органы местного самоуправления (n=6), УУ — код региона, в котором проживает эксперт (22 — Алтайский край, 26 — Ставропольский край), 000 — порядковый номер интервью в пределах региона (001, 002, ..., 020), стр.0 — код места расположения ответа в тексте транскрипции интервью.

ного «наследия» советского периода), но, тем не менее, доминирующее значение имеет региональная специфика контекста социальной безопасности, обусловленная вышеперечисленными особенностями.

По мнению экспертов, при выделении основных угроз социальной безопасности в **Алтайском крае**, очевидно выявляется региональная специфика: географическая удаленность от «горячих» точек, очагов межэтнической, религиозной напряженности: «По сравнению с центром Югом Европейской части, то у нас относительно безопасно» (ОО.22.004, стр. 1), «Вообще, в целом, если речь идет об опасности для жизни, то, наверное, у нас риск не такой существенный по сравнению с другими регионами России» (ОО.22.006, стр. 1) и дотационность региона, провоцирующая миграционную убыль населения, отток высококвалифицированных, преимущественно молодых, кадров: «потеря людей, которые могли бы стать костяком для подъема Алтайского края» (НА.22.019,020, стр. 1); низкий уровень доходов населения в целом, усиливающий социальную напряженность; неконкурентоспособность края, ориентирующегося на аграрный сектор, по сравнению с «передовыми» промышленными регионами. Некоторые респонденты в качестве фактора обеспечения социальной безопасности отмечают «специфический менталитет жителей Алтайского края», выражающийся в стремлении сохранить мир, гармонию, низкой протестной активности, тенденции решать проблемы «мирным» путем, что должно снижать степень опасности возникновения социальной напряженности.

Первое ранговое место в ряду социальных опасностей занимают экономические проблемы Алтайского края: проблемы моногородов (например, г. Рубцовск), растущая безработица, в том числе в государственной сфере, падение доходов большинства населения, убыточная экономика сельскохозяйственной отрасли. На втором месте — угрозы правовой сферы: «низкая (правовая защищенность) ... это связано прежде всего с незнанием людьми своих прав, ... нежеланием и боязнью отстаивать их в суде, в органах правопорядка.. возможности для нарушения прав граждан у нас высоки и это

вина общей правовой просвещенности и неверия в правовые институты» (ОО.22.006, стр. 3). На третьем месте — социальные угрозы, такие как слабость внутренних социальных связей сообщества, низкая способность к самоорганизации, недостаточная развитость институтов гражданского общества, отсутствие механизмов межсекторного взаимодействия: «вяло текущая борьба с попытками органов власти задавить неформальную активность» (ЗВ.22.003, стр.3).

В экспертных оценках основных угроз для региона представителями **Ставропольского края** также прослеживается обусловленность экономикой края, ее сельскохозяйственной ориентированностью, высокой долей сельскохозяйственных производств и тем, что край «отстает по экономическим показателям от многих регионов» (ЗВ.26.002, стр.1), и, вследствие этого, «неразвитость промышленности» (ИВ.26.008, стр.1). Общей проблемой также является и проблема безработицы, где в качестве наиболее уязвимой видится молодежь.

Экспертами выделены и проблемы экологии, возникающие в крае потому, что «(природа) задействована в хозяйственный оборот... в девяносто восьми процентах», а это «очень плохой показатель. Состояние... рыбной сельскохозяйственной продукции» (ИВ.26.020, стр.1). Также имеет место и распространение социальных девиаций — «наркомания, алкоголизм» при общем «невежестве общества, разврате, насилии» (ОО.26.003, стр.1) и отсутствии «здорового образа жизни, вообще физкультуры, спорта, культуры» (МС.26.005, стр.1).

В Ставропольском крае **очевидно проявляется угроза межнациональных конфликтов**, которая усугубляется отсутствием «должного уровня правовой и правозащитной культуры» населения (ЗВ.26.002, стр.1). Практически все эксперты отметили, что в ряду проблем края, проблемы, связанные межнациональными, межэтническими и межконфессиональными отношениями, являются наиболее острыми, край отличает «четко выраженная... групповая... разрозненность...» и при этом «зависимость» политических отношений от групповых интересов. По мнению не-

которых экспертов (НП.26.001, стр.1), вопрос национальных отношений стоит настолько остро, что его развитие «вообще не подлежит обсуждению». Сложившаяся в Ставропольском крае ситуация оказывает существенное влияние на «социальное разделение», причем не только по критерию материальной обеспеченности и власти, но по критерию принадлежности к той или иной национальной или этнической группе (МС.26.001, стр.1).

В качестве критериев выделения именно этих угроз социальной безопасности выступает их определяющая роль в формировании социального самочувствия населения региона, социальной безопасности населения и в целом качестве жизни, а также то, что выделенные экспертами проблемы, по их оценкам, отражаются на жизни каждого отдельно взятого индивида, «накладывает отпечаток на то, как мы одеваемся, как мы питаемся и, в конечном счете, — это наше здоровье» (НП.03.017, стр.1), составляют основу жизнедеятельности, а устранение этих угроз «определяет вектор будущего развития общества» (ЗВ.03.014, стр.1). Именно эти угрозы, полагают эксперты «выступают теми факторами, которые запускают механизмы деструкции как на уровень личности, на уровень социума и так выше» (НП.22.008, стр. 1), они направлены на воспроизводство социальных рисков индивидуального уровня «направлены на человека, на его безопасность, на его спокойствие, на его здоровье...» (НП.22.009, стр. 1).

Обращает внимание восприятие экспертами причин выделения проблем, характерных для Ставропольского края. Сложившуюся опасность разжигания межнациональных страстей эксперты воспринимают как неизбежную неуправляемую данность, отличающую многие мультинациональные общности: «всегда были эти проблемы, но эти проблемы в настоящее время более ярко высветились в связи с тем, что экономическая ситуация изменилась» (МС.26.002, стр.1), «Это ситуативная характеристика... и вот они (проблемы), ... результат постсоветской истории» (НП.26.007, стр.1), а «национальный вопрос ... не решается никоим образом» (МС.26.001, стр.1). «Это связано с большим количеством

проживающих национальностей, а может быть даже, национальных меньшинств. Потом, скорее всего, это очень низкий уровень жизни этих национальных меньшинств, проживающих в регионах, которые ... создают нам дополнительные проблемы... и у многих... чувство безопасности связано с неверием и нежеланием верить в возможности государства и ... правоохранительных структур эту безопасность обеспечить (НП.26.019, стр.1).

Анализ оценок степени защищенности различных сторон социальной безопасности социума подтверждает составленный «рейтинг угроз». Так, в Алтайском крае наименее защищена экономическая сфера безопасности: устойчивость социально-экономического развития края (ни один из экспертов не поставил высокой оценки) и реализация права граждан на труд и благоустроенное жилье (низкую обеспеченность жильем и неудовлетворительное качество жилья единодушно отметили все эксперты). Что касается защищенности права граждан на труд, то, по мнению экспертов, основная проблема заключается в том, что большая часть жителей края занята на предприятиях коммерческой сферы, которые в последнее время высвобождают значительное число работающих. Органы государственной власти, обеспечивающие социальные гарантии, не имеют реальных рычагов воздействия на хозяйствующие субъекты, а следовательно, не могут регулировать процесс высвобождения рабочей силы. Таким образом, данные хозяйствующие субъекты, а не властные структуры, определяют уровень социальной и экономической безопасности.

Немаловажная экономическая проблема — защищенность старости. Все эксперты, оценивая данный параметр, подчеркивают именно экономическую составляющую — низкое качество жизни пенсионеров. Низкие экономические возможности ограничивают и свободу передвижения жителей края, особенно — за его пределы. Среди не получивших ни одной высокой оценки — защищенность правопорядка, качество бесплатного здравоохранения. Причем все эксперты единодушно отмечают средний уровень защиты правопорядка, а отношении качества бесплат-

ной медицины мнения экспертов варьируют от низких до средних оценок.

Наиболее защищено право на образование, право на жизнь и сохранение духовно-культурной самобытности. По мнению экспертов, за последние несколько лет расширились возможности жителей края в сфере образования, чему, в частности, способствовало внедрение принципов единого государственного экзамена, и сфере организации культурно-досуговых мероприятий: *«сколько бы не ругали ЕГЭ..., возможность коррупции снизилась в разы, объективность возросла. Доступ к культурным благам — я считаю, что на это нам грех жаловаться. Все-таки цены на спектакль 150–200 рублей — это, по западным меркам, смешно»* (ОО22006, стр. 4.); *«у нас достаточно хорошо развита вот эта вот система, где можно эти духовные ценности получать и развивать и музеи, и библиотеки прекрасные у нас есть, и театры, постоянно что то происходит и постоянно новое, поэтому человеку, который хочет быть защищенным, это может быть доступно»* (ИБ22020, стр. 5).

Ставропольский край описывает среднюю степень защищенности правопорядка, устойчивости экономического развития, (хотя здесь отмечен большой научный и производственный потенциал области перспективы развития). В оценках защищенности духовной и культурной самобытности и права граждан на труд, на образование, на свободу передвижения эксперты не пришли к единому мнению, оценки варьируют от низких до очень высоких. Обеспеченность жильем и возможность проведения обеспеченной старости — одни из «проблемных точек» области, все эксперты единодушны в низких оценках. Качество бесплатного здравоохранения также получило одни из самых низких оценок. В отличие от экспертов Алтайского края, все эксперты Ставропольского края отметили низкую защищенность права на жизнь населения края.

Составной частью социального изменения безопасности является безопасность личности, под которой понимается состояние защищенности человека, гражданина от угроз, формирующихся на уровне лич-

ных восприятий и потребностей, которые обеспечивает он сам. Для оценки личной безопасности экспертов просили оценить уровень озабоченности вопросами собственной безопасности и определить основные осознаваемые социальные угрозы. Однако большинство экспертов во всех регионах отметили, что вопросами собственной безопасности они обеспокоены в самой малой степени, поскольку их в повседневной жизни ничего не угрожает, а те риски, которым они могут быть подвержены, являются для них неуправляемыми, приходят извне и носят непредвиденный, непредсказуемый характер (например, дорожно-транспортное происшествие, пожар в соседней квартире и т.п.). Что касается видов осознаваемых угроз личной безопасности, эксперты выделили лишь два их вида — угрозы физические и угрозы экономические. Физические угрозы связаны со случаем, внезапным нападением и слабо актуализированы и чаще иррациональны, экономические чаще всего связаны с материальными трудностями, невозможностью обеспечить себя или свою семью или потерей работы. При этом практически все эксперты оценили высоко и выше среднего уровень собственной осведомленности в вопросах обеспечения безопасности, аргументируя это уровнем своего образования и в целом высоким уровнем собственной правовой культуры.

Сильное расслоение общества на бедных и богатых, до сих пор актуализированное в сознании граждан, очевидно, породило клубок таких же острых проблем, способствовало моральной и нравственной деградации населения, о чем свидетельствует выделение угрозы распространения наркомании и алкоголизма, роста преступности и насилия. Лидирующие позиции среди угроз безопасности государства занимают, в оценках населения, и проблемы социально-политического характера, такие как вооруженные конфликты на территории страны, угроза терроризма и экстремизма, распространение коррупции и организованной преступности. Отмечаются также проблемы демографического воспроизводства, чему способствует низкая продолжительность жизни и высокая смертность населения.

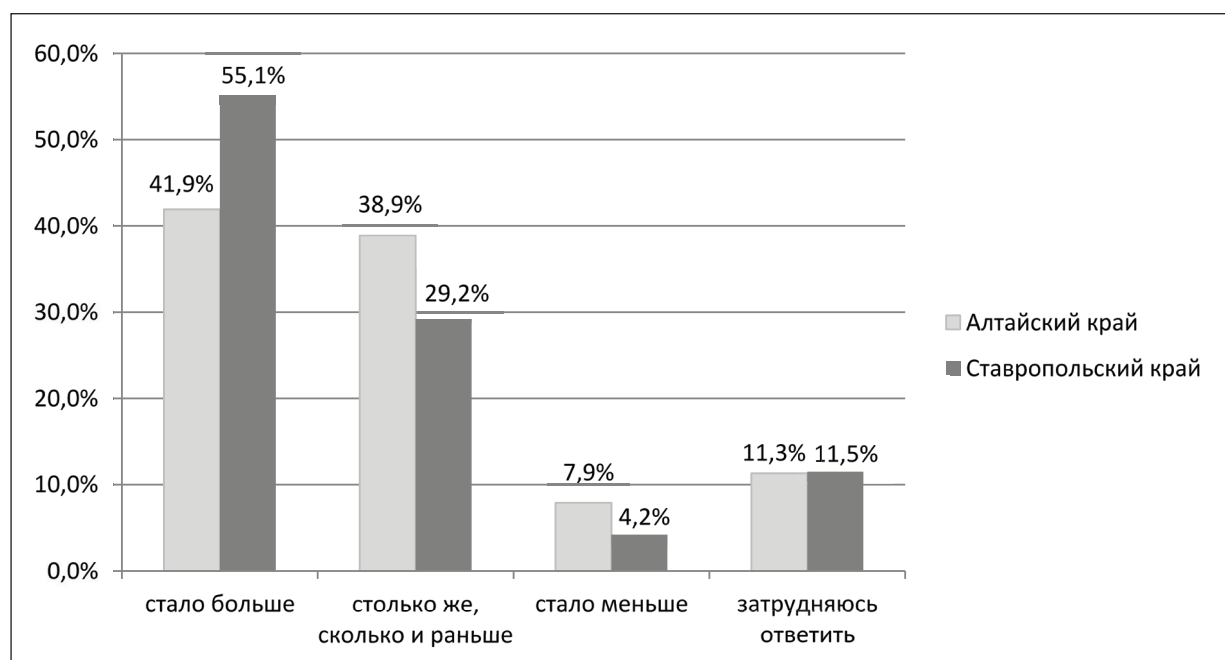

Рис. 1. На вопрос «Как Вы считаете, что за последние два года проблем, опасностей и угроз, стоящих перед нашим обществом стало больше?». Региональные выборки.

Согласно результатам исследования¹ выявлены региональные отличия в восприятии населением рассматриваемых угроз. Так, проблема распространения наркомании и алкоголизма стоит на первом месте в оценках жителей и Алтайского края и Ставропольского края. Обратная ситуация наблюдается с проблемой коррупции и организованной преступности, которая в оценках населения Алтайского, Ставропольского краев находится на втором месте.

Следующей по значимости угрозой, актуализированной в оценках населения регионов, является проблема распространения терроризма и экстремизма. Возможно, именно приграничное положение с другими государствами является фактором, позволяющим интерпретировать выбор данной угрозы жителями именно этих регионов. Так, по оценкам населения Ставропольского края

терроризм занимает третье место в рейтинге угроз безопасности российского общества, Алтайского края — пятое. К угрозам социально-политического характера относится и угроза вооруженных конфликтов на территории России, отмеченная среди первостепенных (3–5 рейтинг) жителями регионов.

Социально-экономические угрозы безопасности — социальное расслоение общества — отмечаются в оценках жителей Ставропольского края на четвертом месте. При этом, в менее благополучном в экономическом отношении Алтайском крае, проблема поляризации общества не вошла в пятерку вызовов социальной безопасности государства — более значимыми проблемами, по мнению жителей, являются демографические вызовы — низкая продолжительность жизни и высокая смертность населения.

Близкая вышеназванной оценка масштабов угроз получена в ответах на вопрос о том, какие проблемы наиболее актуальны для региона. В отличие от общегосударственных угроз, на региональном уровне практически все первые места в рейтинге оценок населения занимают социально-экономические проблемы, связанные с ростом цен, безработицей, низким уровнем зарплаты, жилищными про-

¹ Использованы результаты социологического исследования «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества» (2010), данные по Алтайскому краю (n=700) и Ставропольскому краю (n=700).

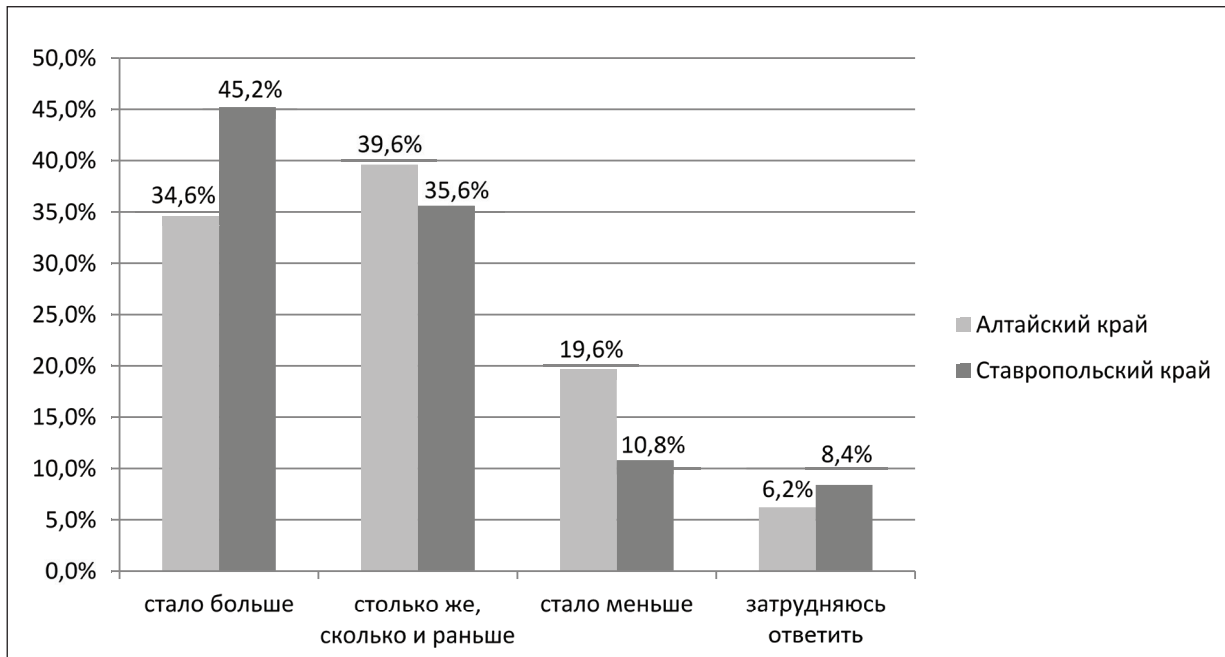

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, проблем, которые беспокоят и волнуют лично Вас за последние два года стало больше?». Региональные выборки.

блемами и низким уровнем жизни населения в целом. Первые две позиции среди актуальных проблем стабильно во всех шести регионах жители отдали росту цен и безработице. Социально-политические проблемы и проблемы морально-нравственной деградации населения отошли на второй план, но не стали менее значимыми. Так, в частности, проблема алкоголизма занимает четвертую ступень в рейтинге оценок Ставропольского края, пятую — в Алтайском крае. Очевидно, что по мере перехода от социального уровня к региональному происходит абстрагирование от глобальных, общестрановых угроз к насущным, злободневным проблемам, которые представляют угрозу личной безопасности и касаются повседневных практик индивидов.

Следует отметить, что проблемы, имеющие социально-политические корни (терроризм, межнациональные конфликты) недалеко ушли от повседневных социально-экономических проблем в оценках жителей Ставрополя — в отличие от других регионов здесь они занимают 10–12 места в рейтинге региональных угроз. Уникальная геополитическая ситуация — наличие границ со всеми кавказскими республиками, а также многочисленные конфликты на фоне межэтнической

неприязни не позволяют жителям Ставропольского края абстрагироваться от обозначенных проблем и чувствовать себя в полной безопасности. При этом нельзя не отметить, что, по мнению 30–40% опрошенных во всех исследуемых регионах, за последние два года проблем и опасностей, стоящих перед нашим обществом, стало больше. Существенно выделяется на этом фоне опять же Ставропольский край, где 55% респондентов отметили рост количества угроз обществу.

Важный индикатор социальной безопасности — самооценка безопасности, ощущение себя в безопасности, составляющее основу на деятельности индивидов по выявлению, предупреждению, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый ущерб, закрыть путь для выживания и развития.

В этой связи, оценивалась динамика угроз индивидуально-личностной безопасности. По сравнению с предыдущими оценками динамики роста проблем для общества в целом, ситуация на микроуровне немного отличается. Среди тех, кто считает, что проблем стало больше, опять же существенно выделяется

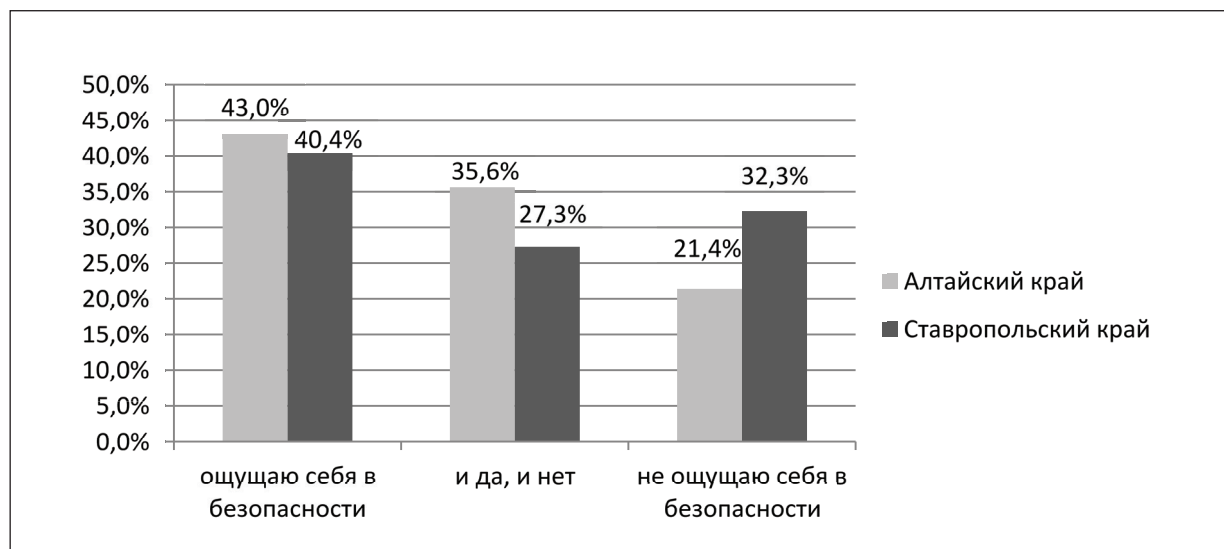

Рис. 3. Субъективная оценка степени личной безопасности в региональных выборках.

Ставропольский край (45,2%). В целом, больше наблюдается оценок, характеризующих неизменное количество проблем личного масштаба.

Восприятие угроз на индивидуально-личностном уровне определяется субъективным ощущением степени собственной безопасности и уязвимости. По результатам проведенного исследования можно выделить три примерно одинаковые группы населения, которые либо ощущают себя в безопасности, либо не ощущают, либо находятся в состоянии неопределенности (с одной стороны, в безопасности, с другой — нет). В Алтайском субъективная степень безопасности в оценках населения снижается от ощущения безопасности через состояние неопределенности к ощущению небезопасности. А в Ставропольском крае более трети респондентов (32,3%) вообще не ощущают себя в безопасности — таких на 5% больше, чем неопределенных (значимость различий по критерию хи-квадрат 0,0001).

О состоянии личной безопасности можно судить и по оценке степени защищенности от угроз, формирующихся на уровне личных восприятий. Результаты исследования показали, что население нашей страны в качестве наиболее опасных для себя считает источники внешних угроз, исходящих от социальной среды, продуцирующей все новые и новые опасности. Эти угрозы нельзя контролиро-

вать своими собственными действиями и поступками, а, значит, от них невозможно чувствовать себя защищенным. Так, большинство опрошенных регионов менее всего защищены от нарушения прав, бедности, конфликтов, различных инфекционных заболеваний, преступности, экологических проблем, моральных угроз, недостоверной информации. Эти проблемы связываются в сознании населения с внешней средой. Те угрозы, источником которых могут выступать собственные действия и поступки (с ними респонденты связали физические угрозы и наркоманию), являются саморегулируемыми, соответственно, не вызывают чувство опасения.

Косвенную оценку личной безопасности и защищенности можно получить на основе оценки внутреннего состояния индивида. На момент опроса большинство респондентов находились в эмоционально позитивном состоянии — чувствовали себя относительно нормально, были настроены оптимистично в отношении собственного будущего, испытывали подъем душевных и физических сил. Удивительно, что наибольшее число таких респондентов (74,8%) зафиксировано в Ставропольском крае, характеризующемся наличием многочисленных конфликтов на почве межнациональной неприязни, и оценками данных угроз в рейтинге региональных проблем. Причем по ранее описанным показателям именно жители Ставрополя отмечали наименьшую

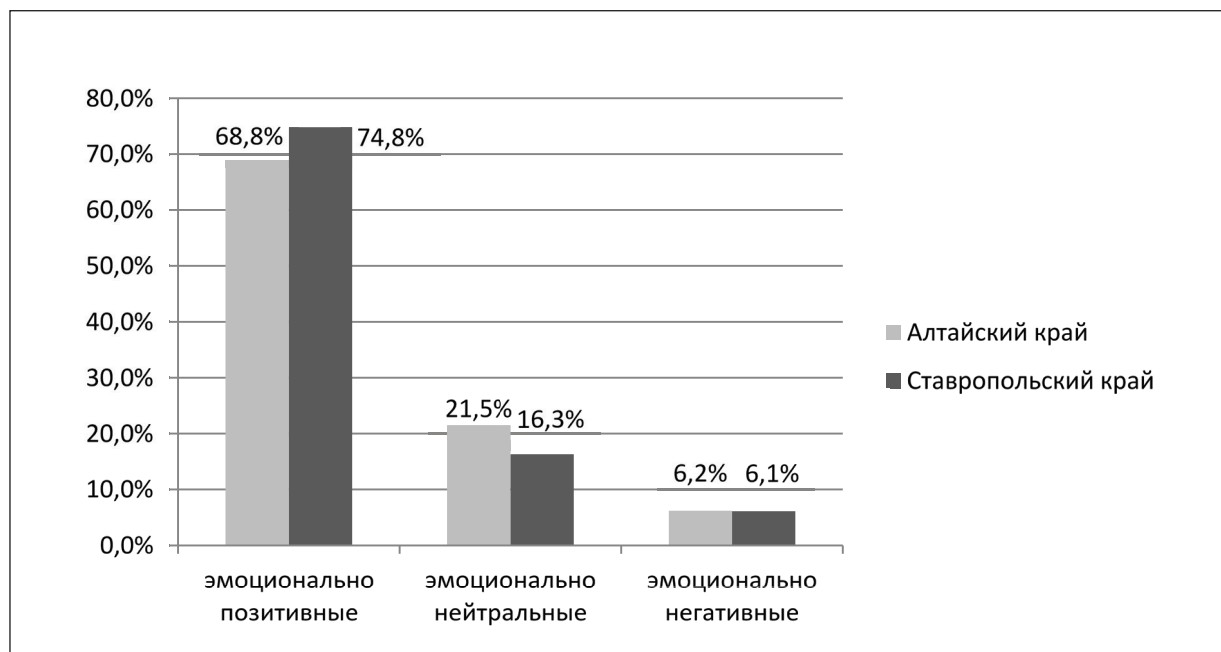

Рис. 4. Самооценка респондентами своего состояния в последнее время.

степень безопасности в сравнении с другим регионом (рис. 4).

Во вторую группу эмоционально нейтральных попали люди, испытывающие равнодушное состояние и небольшую неуверенность в будущем. Третья, самая немногочисленная группа, объединила в себе тех, кто отличался явными негативно окрашенными характеристиками собственного состояния — в их оценках преобладали такие состояния, как чувство опасности и страха, безысходности, сильного эмоционального напряжения и раздражения.

Общую характеристику индивидуально-личностной безопасности дополняют и оценки удовлетворенности различными сторонами жизни — материальным положением, работой, заработной платой, жилищными условиями, семейными отношениями, условиями быта, взаимоотношениями с коллегами и начальством, детьми и родителями и др. На наш взгляд, анализ этих показателей в контексте оценки личностной безопасности немного затруднителен в связи с тем, что практически единственным источником неудовлетворенности, по ответам респондентов, является заработная плата. Все остальные показатели получили высокие или средние баллы по шкале удовлетворенности. Это немного

противоречит ранее описанным фактам, особенно субъективной оценке степени личной безопасности.

Анализ ответов на вопрос «Оцените, Вы в целом рискуете в своей жизни?» показал значимые региональные отличия субъективных оценок собственного риска. Так, среди рискующих выделяются жители Алтайского края (31,4%), а в категории не рискующих практически не фиксируется отличие оценок респондентов. Вместе с тем, в структуре общей выборки 49% опрошенных отметили вариант ответа «не рискую».

Сравнение по возрастным группам показало отсутствие значимых различий в оценке собственного риска не только в общей выборке, но и отдельно по регионам.

Сравнение по другим социально-демографическим параметрам показало отсутствие значимых различий в оценке собственного риска не только в общей, но и региональных выборках. Как показали расчеты, можно выделить чуть ли не единственные уникальные случаи со статистически значимыми различиями в подгруппах. По другим сравниваемым параметрам были выявлены статистически значимые различия у жителей Алтайского края по степени обеспокоенности невозможностью обеспечить себе все необходимое для

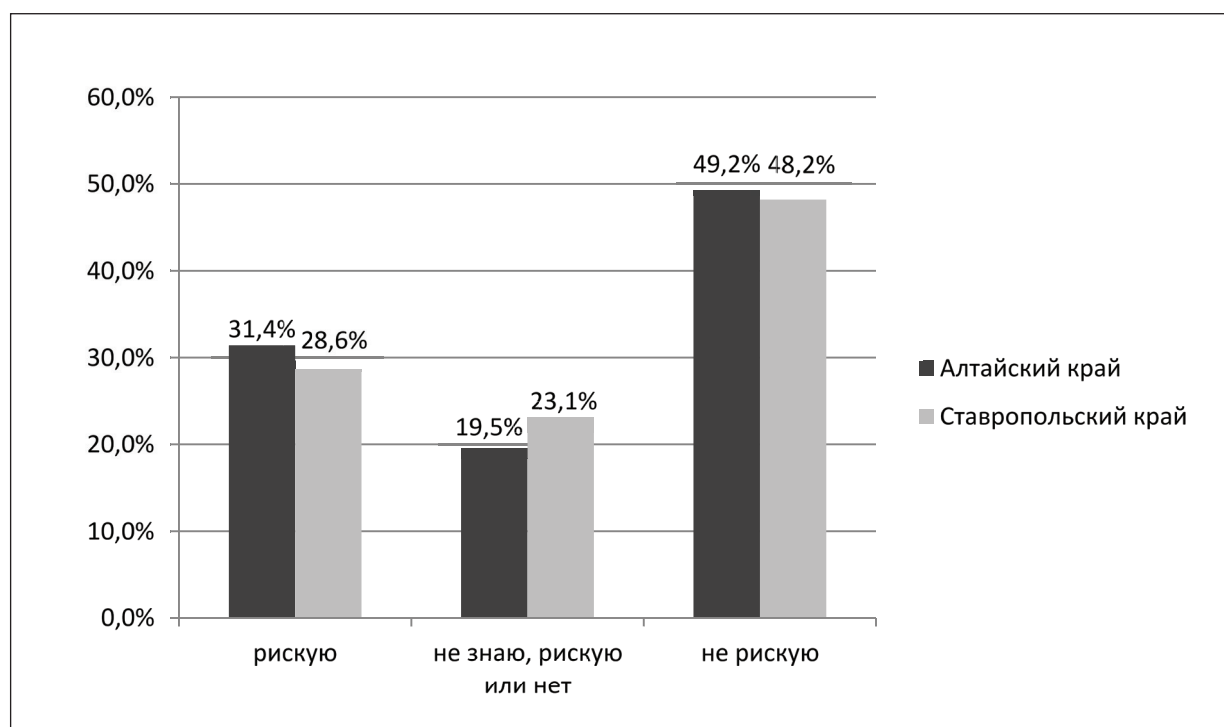

Рис. 5. Самооценка собственного риска в региональных выборках

нормального существования. Результаты теста Краскала-Уоллиса ($p < 0,05$) подтвердили предыдущие результаты сравнения данного параметра с интегральным показателем личной безопасности — более обеспокоенные попадают в группу высокого восприятия риска, у них ощущение угроз на уровне личного восприятия заметно выше. Такая же ситуация отмечается у жителей рассматриваемых регионов в оценке личного оптимизма. Респонденты, испытывающие в последнее время негативные эмоции находятся в группе рискующих, а эмоционально позитивные — наоборот, в группе не рискующих.

Важным критерием объективной оценки личной и социальной безопасности является показатель риск-рефлексии, складывающийся из нескольких параметров — оценки угроз на социальном, социально-групповом и индивидуально-личностном уровнях, интегрального показателя личной безопасности, субъективной оценки собственного риска, интегральных показателей степени риска и воспроизводства риска, а также оценки допустимости рисков в общественной жизни.

Выявлены значимые региональные различия в оценках допустимости риска: 44,5% ре-

спондентов Алтайского края, 48,6% — Ставропольского края допускают наличие рисков при определенных условиях (рис. 6).

В ходе проведенного исследования подтверждены ранее полученные выводы о том, что находиться в состоянии риска означает для населения, с одной стороны, испытывать на себе влияние событий и явлений, развивающихся вне деятельностного участия людей и, поэтому неуправляемых, неконтролируемых ими; с другой стороны, находиться в состоянии риска означает ситуацию выбора, принятие решения действовать определенным образом, провоцировать угрозы посредством собственной деятельности, поддающейся самоуправлению и саморегулированию. В этой связи социальная среда обитания выступает не только источником угроз и опасностей, но и провоцирует рискованные действия и поступки отдельных индивидов и социальных групп.

Согласно полученным данным состояние безопасности того или иного регионального социума определяется, во-первых, существующими угрозами социальной безопасности общероссийского масштаба, в целом типичными для всех субъектов Российской Феде-

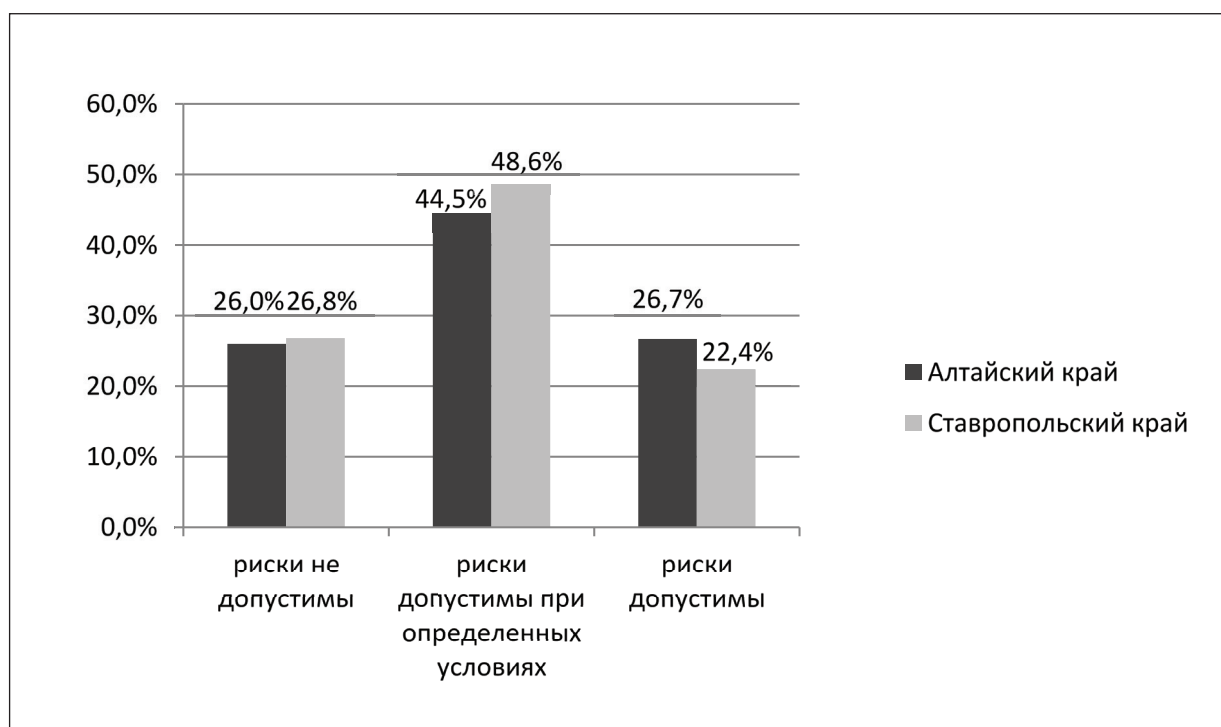

Рис. 6. Оценка допустимости риска в региональных выборах.

рации, во-вторых, уникальной структурой угроз социальной безопасности конкретного региона, обусловленных его уникальным геополитическим и социально-экономическим положением.

По нашим данным, в числе общих угроз социальной безопасности оказались: снижение уровня жизни основной массы населения, низкий уровень развития промышленного производства при острой потребности в его модернизации, снижение качества и доступности услуг учреждений образования, медицины, культуры и, соответственно, их социализирующего влияния, негативные демографические тенденции (высокая смертность, снижение продолжительности жизни, миграционный отток молодого и трудоспособного населения, увеличение доли лиц пожилого возраста), недостатки системы социального управления на всех уровнях властного регулирования, низкая экономическая активность населения и отсутствие соответствующих механизмов ее стимулирования, выраженное усиление процессов маргинализации, рост потребности населения в социальной помощи, поддержке, увеличение роли компенсационных мер социальной защиты, распростра-

нение негативных социальных настроений в обществе. Все эти процессы, в свою очередь, привели к масштабному воспроизводству социальных девиаций в виде духовно-нравственной деградации широких слоев населения, алкоголизации и наркотизации, небывалому росту преступности, проституции, распространению экстремистских и ксенофобных настроений.

Очевидно, что длительное состояние депривации базовых потребностей населения и возрастающее чувство безысходности приводит к широкому распространению социальных девиаций, которые, являясь, в том числе, следствием неудовлетворительного функционирования институтов социализации, в то же время выступают способом преодоления неудовлетворенности условиями жизни. В данном случае экономическое неблагополучие квалифицируется в качестве основного фактора, стимулирующего девиантные поведенческие проявления, поскольку в указанных условиях задача эффективного жизнеобеспечения для населения крайне затруднена и средства ее разрешения ограничены.

Необходимо отметить, что результаты нашего исследования четко коррелируют

ются с положениями, закрепленными в научной литературе, о том что среди основных угроз социальной безопасности выступают: ошибки в действиях властных структур (политической элиты), которые привели к падению жизненного уровня конкретных социальных групп общества; неспособность государства защитить основные права личности — на жизнь, на труд, на образование, жилье, бесплатное здравоохранение, на свободу передвижения, на обеспеченную старость; нарастание социального неравенства в распределении собственности и доходов; криминализация общественных отношений, рост преступности, рост безнравственности;

ухудшение здоровья и сокращение населения страны; усиление настроений социальной безысходности и дезориентированности в широких кругах населения, в том числе молодежи; рост социальной напряженности в обществе¹².

Полагаем, что разработка механизма противодействия социальным рискам должна опираться на объективные критерии личной и социальной безопасности, четкие представления об опасностях и угрозах социетального, социально-группового и индивидуально-личностного уровней, а также учитывать модели рискованного поведения с целью эффективного воздействия на него.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000.
2. Гидденс, Э. Элементы теории структуризации / Э. Гидденс // Современная социальная теория: Бурдьё П., Гидденс Э., Хабермас Ю. — Новосибирск, 1995.
3. Луман, Н. Риск, неопределенность, случайность / Н. Луман // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 135–160.
4. Найт, Ф. Понятие риска и неопределенности / Ф. Найт // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 12–28.
5. Дойл, С. Гражданские космические системы. Их влияние на международную безопасность / С. Дойл. РАН ИНИОН. М., 1994. С. 5.
6. Фишер, Д. Невоенные аспекты безопасности: системный подход / Д. Фишер. М., 1994.
7. Рукавишников, В. О. Социальная напряженность: диагноз и прогноз / В. О. Рукавишников // Социологические исследования. — 1992. — № 3.
8. Харичкин, И. К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России / И. К. Харичкин. — М.: МВИ, 1999. 256 с.
9. Погодина И.В., Фраймович Д. Ю., Мищенко З. В. Позиционирование параметров безопасности региональной социально-экономической системы в условиях модернизации // NB: Национальная безопасность. — 2012. — 1. — С. 55–80. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.77. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_77.html
10. Урсул А. Д. Национальная идея и глобальные процессы: безопасность, устойчивое развитие, ноосферогенез // NB: Национальная безопасность. — 2013. — 2. — С. 1–66. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_541.html
11. Ноянзина О.Е., Гончарова Н. П., Максимова С. Г., Авдеева Г. С. Современные вызовы безопасности: оценка риска подверженности экстремистским и террористическим угрозам в условиях региональных социумов // NB: Национальная безопасность. — 2012. — 1. — С. 213–254. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.92. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_92.html

¹ Рукавишников, В. О. Социальная напряженность: диагноз и прогноз / В. О. Рукавишников // Социологические исследования. — 1992. — № 3.

² Харичкин, И. К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России / И. К. Харичкин. — М.: МВИ, 1999. 256 с.

12. Урсул А. Д. Обеспечение национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития // NB: Национальная безопасность. — 2013. — 1. — С. 1–61. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_325.html
13. Урсул А. Д. Синергетический подход к исследованию безопасности // NB: Национальная безопасность. — 2012. — 2. — С. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.2.207. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_207.html
14. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Проблема безопасности: глобальные и универсально-эволюционные аспекты // NB: Национальная безопасность. — 2012. — 1. — С. 81–159. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.67. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_67.html

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bek, U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / U. Bek. — М., 2000.
2. Giddens, E. Elementy teorii strukturatsii / E. Giddens // *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e P., Giddens E., Khabermas Yu.* — Novosibirsk, 1995.
3. Luman, N. Risk, neopredelennost», sluchainost» / N. Luman // *THESIS.* — 1994. — № 5. — S. 135–160.
4. Nait, F. Ponyatie riska i neopredelennosti / F. Nait // *THESIS.* — 1994. — № 5. — S. 12–28.
5. Doil, S. Grazhdanskie kosmicheskie sistemy. Ikh vliyanie na mezhdunarodnuyu bezopasnost» / S. Doil. RAN INION. М., 1994. S. 5.
6. Fisher, D. Nevoennye aspekty bezopasnosti: sistemnyi podkhod / D. Fisher. М., 1994.
7. Rukavishnikov, V. O. Sotsial'naya napryazhennost': diagnoz i prognoz / V. O. Rukavishnikov // *Sotsiologicheskie issledovaniya.* — 1992. — № 3.
8. Kharichkin, I. K. Politicheskaya elita i ee rol» v obespechenii natsional'noi bezopasnosti Rossii / I. K. Kharichkin. — М.: MVI, 1999. 256 s.
9. Pogodina I.V., Fraimovich D. Yu., Mishchenko Z. V. Pozitsionirovanie parametrov bezopasnosti regional'noi sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy v usloviyakh modernizatsii // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2012. — 1. — С. 55–80. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.77. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_77.html
10. Ursul A. D. Natsional'naya ideya i global'nye protsessy: bezopasnost», ustoichivoe razvitie, noosferogenez // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2013. — 2. — С. 1–66. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_541.html
11. Noyanzina O.E., Goncharova N. P., Maksimova S. G., Avdeeva G. C. Sovremennye vyzovy bezopasnosti: otsenka riska podverzhennosti ekstremistkim i terroristicheskim ugrozam v usloviyakh regional'nykh sotsiumov // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2012. — 1. — С. 213–254. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.92. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_92.html
12. Ursul A. D. Obespechenie natsional'noi bezopasnosti cherez prioritety ustoichivogo razvitiya // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2013. — 1. — С. 1–61. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_325.html
13. Ursul A. D. Sinergeticheskii podkhod k issledovaniyu bezopasnosti // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2012. — 2. — С. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.2.207. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_207.html
14. Ursul A. D., Ursul T. A. Problema bezopasnosti: global'nye i universal'no-evolyutsionnye aspekty // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2012. — 1. — С. 81–159. DOI: 10.7256/2306–0417.2012.1.67. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_67.html